РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

4

Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Рецензенты:

д. и.н. А. А. Масленников к. и.н. Н. И. Сударев

Утвержден на заседании Ученого совета Института археологии РАН

Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 4. – М., H99 2022. 240 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-381-7

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора античной эпохи и раннесредневекового периода истории, а также исследований памятников скифской культуры.

В сборнике публикуются материалы работ, выполненных сотрудниками отделов классической и скифо-сарматской археологии ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

УДК 902/904 ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-381-7

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-381-7

- Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2022
- © Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М. Г. Клад из башни Узунларского вала	5
Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. Монеты в погребальном обряде Фанагории	21
Антонов Е. Е. Планировки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму	46
Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н. Золото в погребальном костюме жителей позднеантичной Фанагории	53
Голофаст Л. А. Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства	69
Завойкина Н.В. Новые надписи из раскопок Фанагории	107
Клемешова М. Е. Лепная керамика поселения Шуха-1 в Краснодарском крае	123
<i>Кузнецов В. Д.</i> Ксеркс и Понт (Персидская надпись из Фанагории)	141
Малышев А. А., Новичихин А. М. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа	162
<i>Моисеев Д. А.</i> Клейма ӨЄО∆ОРАКНО	186
Павличенко Н. А. Письмо Ксанфия из Фанагории	206
Хотылев А. О., Ольховский С. В., Майоров А. А., Хотылев О. В. Состав и происхождение камня из древнейших построек Фанагории	218
Список сокращений	237

А. А. Малышев, А. М. Новичихин

ПОЛУОСТРОВ АБРАУ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Аннотация. В предыдущем номере «Hypanis» была опубликована обобщающая статья «Полуостров Абрау в римское время», в ней рассмотрен один из периодов (1 в. до н. э. -5 в. н. э.) в истории юго-восточной периферии Азиатского Боспора. В предлагаемой статье систематизированы данные по истории и археологии указанного региона в 8-1 вв. до н. э. В целом эти публикации позволяют воссоздать панораму, которая охватывает широкий хронологический диапазон: 8 в. до н. э. -5 в. н. э. Возрастающее греческое влияние на развитие этнополитической ситуации в регионе нашло отражение в периодизации истории и археологии региона в эпоху раннего железа: до-колонизационный, колонизационный периоды, а также этап, связанный с внутренней боспорской колонизацией.

Судя по имеющимся археологическим материалам, в доколонизационный период п-ов Абрау был слабо населен, традиционный быт его обитателей был основан на примитивном комплексном хозяйстве. Демографический оптимум для населения предгорий зафиксирован в период освоения черноморского побережья Северного Кавказа греками-колонистами и активизации торгово-обменных отношений в регионе (6–5 вв. до н. э.).

Одной из причин боспорской колонизации северной части п-ова Абрау в 4–2 вв. до н. э. – одного из равнинных плодородных районов Синдики – была потребность в товарном зерне. Хозяйственное освоение хоры Горгиппии сопровождалось эллинизацией аборигенного синдского населения, которая означала постепенное его подчинение и ассимиляцию. Фиксируемое запустение в южной части п-ова Абрау – ареале обитания керкетов и торетов – можно объяснить стремлением боспорян обезопасить навигацию и другую хозяйственную деятельность от пиратов. По-видимому, эту задачу успешно решили поселившиеся в восточной части Анапско-Натухаевской долины мигранты из равнинных районов Закубанья.

Ключевые слова. Полуостров Абрау, ранний железный век, греческая колонизация, Боспорское государство, меотская культура, хронология.

A. A. Malyshev, A. M. Novichikhin THE ABRAU PENINSULA DURING THE EARLY BRONZE AGE

Abstract. In the last issue of HYPANIS, a generalising article, "The Abrau Peninsula in Roman Times", was published. It discusses one of the periods (first century BC – fifth century AD) in the history of the Southeastern periphery of the Asian Bosporos. The present article systematises the historical and archaeological data of this region in the Early Iron Age (8th–1st centuries BC). Therefore, combined, these publications allow us to recreate a panorama that covers a wide chronological range, from the 8th century BC to the 5th century AD. The growing Western influence on the ethnopolitical development in the region is reflected in the historical and archaeological periodization of the region in the Early Iron Age: the pre-colonial period, the emporial period and the period associated with intra-Bosporan colonisation.

Based on the available archaeological data, the Abrau Peninsula was sparsely populated during the pre-colonization period, and the local communities led a traditional, fragmented way of life. During the sixth–fifth centuries BC the region became the demographic optimum for the population of the foothills of the Black Sea coast of the North Caucasus, which is explained by it being equally distant from the Greek and Graeco-Scythian political centres of Sindica and the opportunity to receive dividends from the emporial development of the region.

The intra-Bosporan colonisation of the Northern part of the Abrau Peninsula (4th–2nd centuries BC) was aimed at the realisation of the agrarian opportunities of the region, accompanied by the Hellenization of the native Sindoi population, which, as it seems, also suggested its gradual subjugation and assimilation. The desolation observed in the Southern part of the Abrau

Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации» №22-28-01998 (рук. – А. А. Малышев).

Peninsula, populated by the Kerketai and Toretai, can be explained by the Bosporan urge to protect nautical and other economic activities from pirates. Apparently, this problem was successfully solved by migrants from the plain regions of the Trans-Kuban region, who settled in the Eastern part of the Anansko-Natukhaevskaya Valley.

Keywords. Abrau Peninsula, Early Bronze Age, Greek colonisation, Bosporan Kingdom, Maeotian culture, chronology.

В предыдущем номере ежегодника *Гипанис* была опубликована обобщающая статья «Полуостров Абрау в римское время», в ней рассмотрен один из периодов (I в. до н. э. – 5 в. н. э.) в истории юго-восточной периферии азиатского Боспора. В предлагаемой статье систематизированы данные по истории и археологии указанного региона в эпоху раннего железа (8 – I вв. до н. э.), поэтому в целом эти публикации позволяют воссоздать панораму, которая охватывает широкий хронологический диапазон: 8 в. до н. э. – 5 в. н. э.

Первые описания этого региона, а следовательно и появление обитавшего здесь населения на исторической арене, связано с освоением северокавказского побережья Черного моря древними греками. По сведениям древних авторов, в 6—I вв. до н. э. на территории от Горгиппии (Анапа) до Торика (Геленджик), югозападнее синдов, обитали племена керкетов и торетов (Ps.-Skyl. 72—75; Strab. XI. 2, 1; Plin. NH. VI. 17). Причем, согласно Псевдо-Скилаку (4 в. до н. э.), керкеты жили ближе к Синдской Гавани, далее располагались тореты и эллинский город Торик с гаванью (Ps.-Scyl. Per. 72—75). О географической близости этой территории к Боспору свидетельствует и титулатура боспорских правителей 4 в. до н. э. (КБН 6, 6a, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042). Отсутствие упоминания здесь керкетов объясняет, возможно, сообщение безымянного перипла о том, что керкеты и тореты являлись единой этнической общностью (Anon. PPE. 63, 65).

Возрастающее античное влияние на развитие этнополитической ситуации в регионе нашло отражение в периодизации истории и археологии региона в эпоху раннего железа:

- -8-7 вв. до н. э. доколонизационный период («киммерийская эпоха»);
- конец 7–5 вв. до н. э. колонизационный период: основание и превращение в городской центр Синдской Гавани (Синдик?);
- 4–1 вв. до н. э. внутрибоспорская колонизация п-ова Абрау: развитие Горгиппии и ее хоры.

Заметную роль в развитии региона в эпоху раннего железа сыграли ландшафтные особенности п-ова Абрау (площадь ок. 190 км²). Климатические особенности региона формируют образующие полуостров западные отроги главного Кавказского хребта и близость к черноморскому бассейну. Ландшафт северной части полуострова (Анапско-Натухаевская долина¹) (рис. 1. 1), несмотря на вариацию высот в пределах 10–200 м, во многом сходен с остальными регионами Азиатского Боспора (Таманского п-ова и северных районов Синдики) (рис. 2).² Судя по материалам палеоботанических исследований³, на протяжении тысячелетий господствовал лесостепной ландшафт, что позволяло использовать эти пространства для зимовки или как убежище в случае военной опасности. Археологические находки (вкладыш серпа для срезания злаковых растений⁴ и бронзовые серпы) свидетельствуют о древности земледельческих традиций в известном благодатными почвами регионе (рис. 2. 2.1, 3, 4).

Издавна формирование антропогенного ландшафта долины происходило за счет многочисленных курганных насыпей (рис. 1. 2)⁵, которые связаны

 $^{^{1}}$ Площадь ок. 78 км 2 , протяженность с запада на восток ок. 30 км, с севера на юг в пределах 10 км.

² Гарбузов 2013, рис. 6.

³ Спиридонова, Алешинская, Кочанова 2009, 19–50.

⁴ Определение О.И. Успенской.

⁵ По сообщению анапского полицмейстера К. Н. Яновского от 2 апреля 1875 г. в окрестностях Анапы насчитывалось до 300 курганов, из которых до 100 находилось на городском выгоне (ГАКК. Ф. 453. Оп. 1. Д. 598. Л. 30–31). В настоящее время здесь зафиксировано около сотни курганных насыпей, датированных в пределах эпохи бронзы – раннего железного века (рис. 2. 1).

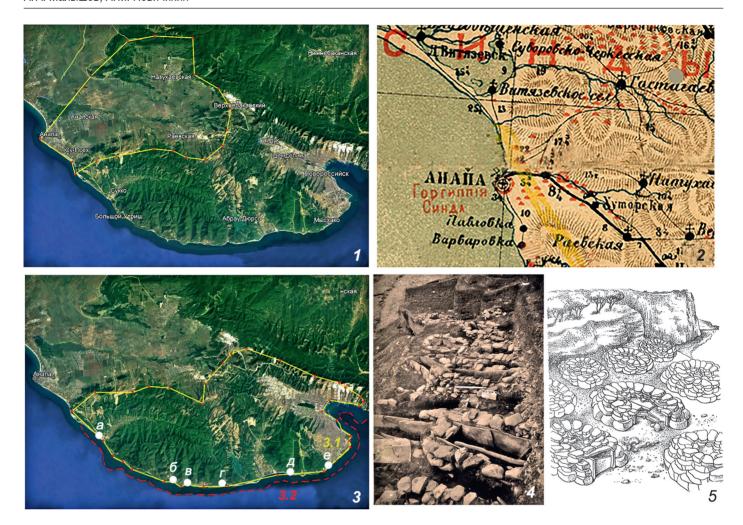

Рис. 1. Районирование п-ова Абрау. 1 – северный регион (синды, Южная Синдика); 2 – археологические памятники в северной части (по Е. Д. Фелицыну, 1882); 3 – южный регион (керкеты, тореты): 3.1 – континентальная; 3.2 – прибрежная часть (разрушаемые прибоем археологические памятники: a – пос. в устье р. Шингарь; б – м-к в Лобановой Щели; b – пос. и м-к в урочище Райский уголок; r – м-к в устье р. Дюрсо; g – м-к в Широкой Балке; e – пос. и м-ки в долине р. Мысхако). a – разрушаемые прибрежной абразией гробницы м-ка в устье Лобановой щели (раскопки А. А. Малышева 1990 г., фото и реконструкция сооружений в ландшафте)

в большей мере с погребальной традицией степного кочевого населения. Судя по изученным захоронениям под курганными насыпями, проникновение в регион носителей степных культур началось еще в эпоху энеолита. 6

О важности этого региона для кочевого населения свидетельствуют захоронения со следами посмертных манипуляций, связанных с необходимостью транспортировки останков на значительное расстояние. Установившие за столетия маршруты сезонных перемещений мобильного скотоводческого населения сформировали и торговые пути древности, по которым шел процесс обмена сырьем, изделиями, идеями. Маркерами этих путей являются клады металлических изделий, картографирование которых пока еще пунктирно намечает маршрут по направлению к южной Синдике из Северного Причерноморья через Крым и Восточное Приазовье. 8

Помимо кочевников-мигрантов в регионе постоянно присутствовало аборигенное население предгорий, для погребальных традиций которого характерно

⁶ Новичихин 2014, 134–138.

⁷ Гей, Малышев, Равич 2004, 314–223.

⁸ Новичихин 1996, 86–89; 2012, 4–11.

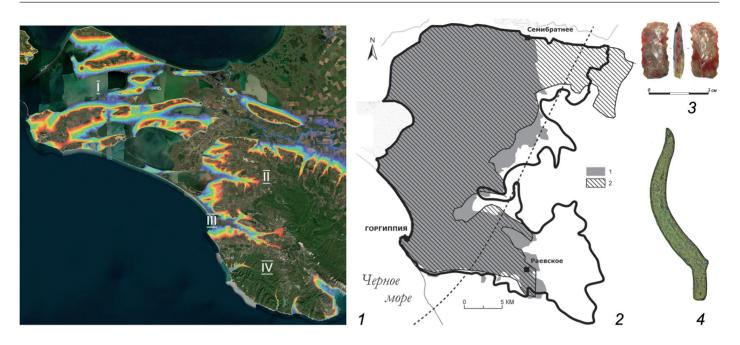

Рис. 2. Ландшафты азиатского Боспора (1) (карта высот «подсвечена» в интервале 0–50 м): *I* – Таманский п-в, *II*–Северная Синдика; *III* – север п-в Абрау; *IV* – юг п-ва Абрау. *2* – ареал южных (каштановых) черноземов на территории Синдики (по Г. П. Гарбузову, 2013: *2.1* – границы по районным почвенным картам; *2.2* – по краевой почвенной карте); *3* – кремниевый вкладыш со следами срезания стеблей растений (Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева 2016 г.); *4* – бронзовый серп (Второй Натухаевский клад)

широкое использование камня (ямы с каменными обкладками, каменные ящики, дольменные сооружения). Данная традиция прослеживается с эпохи энеолита – ранней бронзы (курганы майкопской археологической культуры) вплоть до начала раннего железного века. 9

Взаимоотношения между этими массивами (кочевниками и населением предгорий) веками определяло этнополитическую ситуацию в регионе. Пространство Анапско-Натухаевской долины имеет развитую речную систему, на севере которой находится река Котлама, а на юге — Маскага. В междуречье расположена небольшая возвышенность — гора Маскага. Реки, как и горные системы, издавна являются естественными границами между племенными, этническими и политическими образованиями.

В южной части п-ова Абрау (площадь ок. 112 км²) более сложный ландшафт формирует систему расселения: она связана с долинами рек (Сукко, Дюрсо, Абрау, Озерейка, Цемес), которые веером разрезают пространство региона. Наиболее значительные из них – Цемесская долина протяженностью ок. 11 км шириной менее 3 км и долина реки Озерейки протяженностью ок. 5 км шириной менее 3 км. Соответственно пространства и возможности для хозяйственной деятельности существенно ограничены.

Археологические материалы позволяют выделить два локальных варианта (региона): обширный континентальный (рис. 1. 3.1) и прибрежный, который протянулся узкой полосой на 50 км от Цемесской бухты до хребта Семисам (рис. 1. 3.2). Целый ряд зафиксированных на побережье археологических памятников эпохи бронзы, РЖВ и античности в настоящее время интенсивно разрушается морским прибоем: поселения в устье рек Шингарь, в урочище Райский уголок и Мысхако, могильники в устье рек Дюрсо. Чухабль (Широкая Балка), Мысхако и в Лобановой

⁹ Крушкол 1971, 37–70; Мунчаев 1975, 263–267; Прокофьев, Прокофьева 2014, 28–38.

Щели. Это обстоятельство, а также находки монетных кладов эллинистической эпохи в окрестностях Большого Утриша и урочища Райский уголок, свидетельствуют о том, что расположенные в прибрежной полосе бытовые памятники аборигенного населения, а также связанная с интенсивным каботажным сообщением и развитием морских промыслов инфраструктура в значительной мере уничтожены интенсивной морской абразией (рис. 1. 3.2: a-e). 10

Исследования археологических памятников полуострова Абрау были начаты в 1830-е годы с раскопок античных погребальных сооружений (Б. Ф. Гринфельд, В. Г. Тизенгаузен, Ф. С. Байерн, Н. И. Веселовский) 11 , поселения оказались в поле зрения исследователей на полвека позже. 12 Первая сводная карта памятников была составлена и опубликована Е. Д. Фелицыным 13 (рис. 1. 2).

Новый этап изучения (конец 1940-х – 1950-е гг.) связан с расширением стационарных археологических исследований, которые были начаты Синдской экспедицией АН СССР под руководством В. Д. Блаватского в Анапе¹⁴ и на Раевском городище. В Дальнейшем раскопки античного центра древней Синдики – Горгиппии – стали проводиться постоянно: сначала на некрополе, а затем и на городище. В Важными событиями в археологии Горгиппии стали открытие участка архаического некрополя и обнаружение раннеантичных культурных слоев. В На Раевском городище был исследован монументальный комплекс эллинистической эпохи эпохи элохи элохи

Исследования Ю.С. Крушкол обратили внимание на древности аборигенного населения Синдики. ²¹ В основе современных представлений о памятниках южной Синдики 7–2 вв. до н. э. в значительной мере лежат разведочные работы А. Н. Салова ²² и А. В. Дмитриева. ²³

В 1970–1980 гг. начаты системные исследования аборигенных керкето-торетских некрополей в долинах горных рек Абрау (Большие Хутора), в Цемесской долине (Золотая Рыбка), а также на черноморском побережье (Широкая балка, Лобанова щель) и в Цемесской бухте (Шесхарис).

В настоящее время в результате продолжающихся полевых исследований и изучения ранее полученных материалов массив сведений об археологических памятниках региона ежегодно расширяется. Введение в научный оборот материалов раскопок Горгиппии на юго-востоке Азиатского Боспора привели к изданию целой серии обобщающих исследований. Опубликованы результаты комплексных исследований археологических памятников полуострова Абрау. В серии «Некрополи Черноморья» подготовлены и изданы коллективные монографии об исследованных в регионе могильниках.

Культурно-этническая принадлежность и этногенез обитателей причерноморской части предгорий Северо-Западного Кавказа длительное время остается объектом дискуссий. В частности, по мнению Ю.С. Крушкол²⁶, синдские погребальные памятники – каменные ящики внутри кольцевых обкладок – имеют местные, кавказские корни и продолжают традиции сооружения каменных кромлехов, известных по раскопкам курганов эпохи бронзы.

Вместе с тем, вслед за И.С. Каменецким²⁷, Е.М. Алексеева²⁸ считает аборигенное население окрестностей Синдской Гавани–Горгиппии составной частью единого этнического массива – носителей меотской культуры, расселившегося от Центрального Предкавказья до причерноморского побережья. Развивая гипотезу об общем протомеотском культурном субстрате, А.И. Иванов вынужден признать, что древности племен полуострова Абрау обладают всеми признаками самостоятельной археологической культуры. ²⁹

- ¹⁰ Вязкова 1999, 52–58.
- ¹¹ Тункина 2002, 583–586; 2010, 66–68, 73; Демирова 2018, 14–17; Кругликова 1980, 6–8; Новичихин 2006, 150–155; 2020, 111–118.
- 12 Сизов 1889, 111-132.
- ¹³ Фелицын 1882.
- ¹⁴ Блаватский 1951. 245–248.
- ¹⁵ Блаватский 1959, 42–50; Онайко 1959, 51–61.
- ¹⁶ Малышев и др. 2018, 11–26.
- ¹⁷ Салов, Смирнова 1972, 53–55.
- ¹⁸ Алексеева 1990, 19–30.
- ¹⁹ Онайко 1967, 155–168.
- 20 Малышев 2006, 58-62; 2014, 58-63.
- ²¹ Крушкол 1963, 47–109, 1971, 37–70.
- 22 Салов 1979, 98-102; 2000, 17-25,
- ²³ См. многочисленные сообщения А.В. Дмитриева о результатах археологических исследованиях в сборниках «Археологические открытия», а также его доклады на археологических конференциях.
- ²⁴ Алексеева, 1991; 1997; 2016; 2022; Малышев и др. 2018.
- ²⁵ Малышев 2009.
- ²⁶ Крушкол 1970, 39–41.
- ²⁷ Каменецкий 1989, 227, карта 16. *II*.
- ²⁸ Алексеева 1991, 35.
- 29 Иванов 2016, 266.

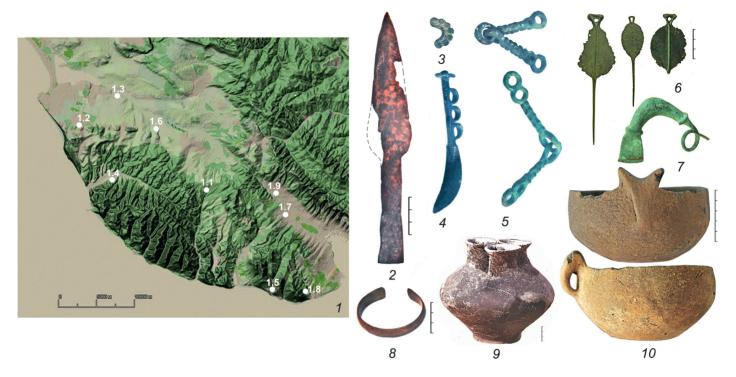

Рис. 3. Погребальные памятники п-ова Абрау 8–7 вв. до н.э. (1): 1.1 – м-к Большие Хутора (раскопки А.В. Дмитриева в 1973 г.), 1.2 – м-к Су-Псех, 1.3 – м-к ОПХ «Анапа» (раскопки Ю.В. Зуйкова, Н.А. Фроловой и М.В. Калашникова в 1981 г., Ю.В. Зуйкова в 1992–1993 гг.), 1.4 – Сукко, Атмачева Щель (ПМ), 1.5 – Широкая Балка (м-к Холм Динамии, раскопки Н.А. Онайко в 1969 г.); 1.6 – Маскага (ПМ); 1.7 – Цемдолина-1 (Золотая Рыбка, раскопки А.А. Малышева в 1995 г.), 1.8 – г. Колдун (ПМ).

Погребальный инвентарь: 2 – наконечник копья (погр. 1, м-к Большие Хутора); 3–5 – уздечный набор (ПМ, м-к Большие Хутора); 6,7 – булавки типа Сукко и фибула (Сукко, Атмачева Щель), 8 – браслет (ПМ, м-к Большие Хутора), 9 – сосуд (погр. 10, м-к Большие Хутора); 10 – ковш (погр. 7/1992 м-к ОПХ «Анапа»)

Не раз отмечались явные параллели между погребальными сооружениями крымской мегалитической (тавры) и кизил-кобинской культур с гробницами эпохи раннего железа предгорий Северо-Западного Кавказа³⁰, что позволило высказать предположение об их кавказском происхождении.³¹

«Киммерийская эпоха» на полуострове Абрау

Немногочисленные захоронения предскифской эпохи исследованы в северной (с. Су-Псех)³², континентальной (могильник Большие Хутора)³³ и прибрежной (могильник в Широкой Балке³⁴) частях полуострова Абрау. Несколько расширяют ареал памятников этого периода материалы из разрушенных комплексов в глубине Анапско-Натухаевской³⁵, Сукко (Атмачева щель³⁶), в Цемесской долине (Золотая Рыбка) и на склоне горы Колдун (долина реки Мысхако). Тем не менее, в целом археологические данные свидетельствуют о невысокой плотности населения в регионе (рис. 3. 1.1–8).

Хозяйство обитателей п-ова Абрау было ориентировано на потенциал этого региона, в нем присутствовали не только кочевое скотоводство, морские и лесные биоресурсы, а также, возможно и примитивное земледелие (просо). Особенности аборигенной домостроительной техники, в основе которой постройки из обмазанного глиной плетня (турлук), затрудняет обнаружение и исследование бытовых памятников.

³⁰ Ольховский 1982, 65–79; Масленников 1995, 57.

³¹ Лесков 1965, 146.

³² Sudarev et al. 2021, 52, fig. 6.

 $^{^{33}}$ Дмитриев 1976, 19–20; Дмитриев, Малышев 2005, 18–22.

³⁴ Малышев и др. 2004, 273, рис. 2. *I, II*

³⁵ Берлизов, Пьянков, Богачук 2015, 24, 25, рис. 2. *2. 3.*

³⁶ Новичихин 1995, 63–67; 2006, 63–64; Эрлих 2007, 160–161.

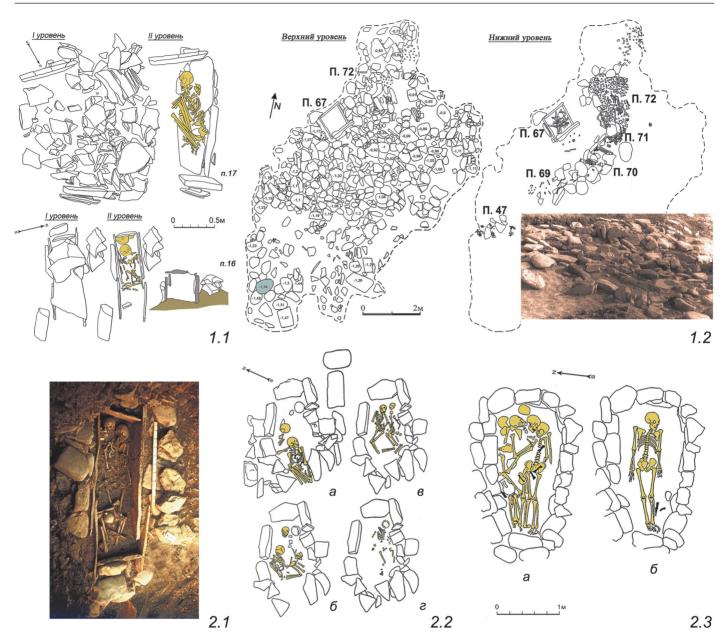

Рис. 4. Погребальные памятники населения предгорий в эпоху бронзы (1): 1.1 — захоронения на каменной вымостке (погр. 17) и в каменном ящике (погр. 16) (устье долины Дюрсо, раскопки А. П. Кононенко в 1982 г.); 1.2 — захоронения на галечных подсыпках, обложенных по периметру валунами (погр. 47, 69—72), и в каменных ящиках (погр. 67) (в устье реки Мысхако, раскопки А. В. Дмитриева в 1979 г.). Погребальные сооружения населения предгорий в эпоху РЖВ (по материалам м-ка в устье Лобановой щели, раскопки А. В. Дмитриева, 1984, А. А. Малышева, 1990) (2): 2.1— каменный ящик (погр. 9), 2.2 — яма, обложенная камнем (погр. 11), 2.3 — яма, с укрепленными грубой кладкой стенками (погр. 1)

Погребальные сооружения издавна располагались на древней дневной поверхности мысообразных выступов, естественных возвышенностей или пологих курганных насыпей эпохи бронзы. ³⁷ Об автохтонности населения предгорий свидетельствует сходство синдских погребальных конструкций с сооружениями на могильниках эпохи бронзы (в устье долин рек Дюрсо и Мысхако): захоронения совершались в каменных ящиках, служивших коллективными (от двух до четырех костяков) семейными усыпальницам (рис. 4).

³⁷ Малышев 2010a.

Погребенные лежали вытянуто на спине, головой в северный сектор. Погребальный инвентарь представлен керамической посудой, предметами вооружения, украшениями, орудиями труда. В захоронениях встречены кости мелкого рогатого скота – остатки напутственной пищи.

Керамика из погребений могильника Большие Хутора и погребения в Широкой балке (ковши с несколькими вариантами формы ручек, миски, горшки) отчасти также продолжает традиции предшествующего времени. В то же время в ней имеются формы, отражающие общие тенденции в развитии керамики начала железного века циркумпонтийского региона. Особого внимания заслуживают вытянутый по вертикали горшок с четырьмя сосцевидными налепами на тулове и корчагообразный сосуд-кернос с тремя вертикальными горлами (рис. 3. 9).

Хотя предметы вооружения встречены более чем в половине исследованных погребений (8 из 12), их ассортимент довольно скромен, но весьма показателен: в нем представлены только железные наконечники копий и топоры. Элементы дистанционного оружия отсутствуют, единственный бронзовый наконечник стрелы обнаружен застрявшим в позвонке одного из погребенных и, судя по всему, послужил причиной его гибели. Создается впечатление, что основой тактики местного населения в начале железного века был ближний бой, в то время как противники (вторгавшиеся на полуостров кочевники?) использовали дистанционное оружие. Впрочем, легкие и короткие, судя по размерам наконечников, копья могли играть роль метательного оружия. С воинским снаряжением могут быть связаны предметы быта мужских захоронений (каменные оселки и небольшие серповидно изогнутые ножи), а также элементы мужских воинских поясов – бронзовые и костяная застежки.

В межмогильном пространстве обнаружены ритуальные комплексы захоронения конских черепов (или чучел?) и предметы конского снаряжения: бронзовые двусоставные удила³⁸: однокольчатые с округлыми внешними петлями (тип II), однокольчатые с треугольными внешними петлями (тип III—I), двукольчатые (тип I). Двукольчатые удила сопровождались трехпетельчатыми лопастными псалиями (тип IB), бляхой-лунницей и круглыми уздечными бляшками, украшенными солярными знаками (рис. 3. 3—5). Грызла всех удил снабжены продольными рядами высоких шипов. Удила и уздечные наборы не только свидетельствуют о роли лошади в жизни населения, континентальной части п-ова Абрау, но и являются важными хроноиндикаторами, позволяющими определять время функционирования могильника предновочеркасским и классическим новочеркасским горизонтами протомеотской культуры (8 — начало 7 в. до н. э.). 39

В комплексах женских захоронений представлены предметы быта (керамические пряслица) и украшения (стеклянными бусы и пастовый бисер, бронзовые браслеты, фибула и булавки типа Сукко с округлыми плоскими щитками). Обширный ареал находок булавок типа Сукко на п-ове Абрау⁴⁰ позволяет рассматривать их как один из характерных элементов материальной культуры местного населения в 8–7 вв. до н. э. (рис. 3. 6)

Колонизационный период

Колонизационный период характеризуется резким возрастанием числа исследованных погребальных комплексов аборигенного населения конца 7–5 в. до н. э. (ок. 400 на девяти некрополях). Они расположены как в северной (Су-Псех⁴¹, ОПХ «Анапа» ⁴², у пос. Рассвет⁴³, Родники-2⁴⁴, курган 3 у ст. Раевской ⁴⁵, так и южной

³⁸ Классификация удил и псалиев дана по: Эрлих 2007.

³⁹ Эрлих 2007, 115–119, 125, 133, 176–179, 187.

⁴⁰ Новичихин 2013, 53, рис. 2. *8*; Мокрушин, Соков 2022, 168–171.

⁴¹ Sudarev et al. 2021, 52, fig. 6.

⁴² Малышев, Новичихин 2022, 162–164.

⁴³ Население... – Малышев (ред.) 2010а.

⁴⁴ Малышев и др. 2022, 160-161.

⁴⁵ Дмитриев 1987, 9–15.

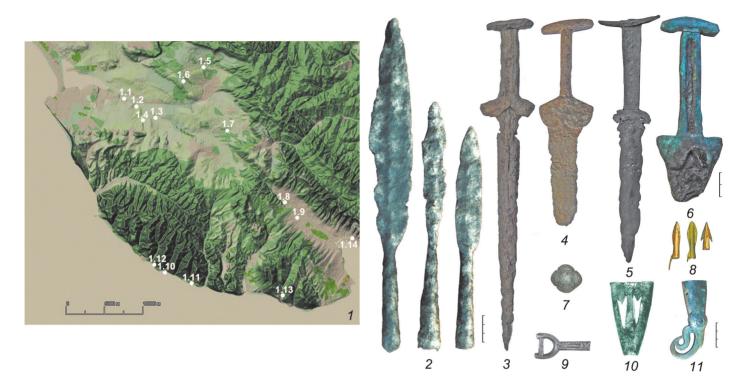

Рис. 5. Погребальные памятники п-ова Абрау кон. 7–5 вв. до н. э. (1): *1.1* – м-к ОПХ «Анапа»; *1.2* – м-к у хут. Рассвет (раскопки Ю. С. Крушкол в 1958–1960 гг., В. Н. Карасева 1969–1972 гг.); *1.3* – м-к Маскага-25 (раскопки А. В. Шишлова в 2016 г.); *1.4* – РОС, курган 3 (раскопки А. В. Дмитриева в 1987 г.); *1.5* – м-к Родники-2,3 (раскопки А. А. Малышева в 2013, 2018, 2021, 2022 г.); *1.6* – м-к в урочище Самойленко (раскопки А. А. Малышева в 2018 г.); *1.7* – м-к у форта Раевский (ПМ); *1.8* – Владимировский м-к (раскопки Н. В. Федоренко в 1997, 1998, 2000 гг.); *1.9* – м-к Цемдолина-1 (Золотая рыбка); *1.10* – м-к Соленое озеро (раскопки А. А. Малышева в 1990 г.); *1.11* – м-к Спутник (раскопки А. В. Дмитриева в 1984 г.); *1.12* – м-к Лобанова щель; *1.13* – м-к Ивушка (Широкая балка) (раскопки А. В. Дмитриева в 1994 г.); *1.14* – м-к Шесхарис (раскопки А. В. Дмитриева в 1973 г.).

Погребальный инвентарь кон. 7–6 вв. до н.э.: 2 – наконечники копий (Владимировский м-к, погр. 192, 166); 3 – акинак (Су-Псех, ПМ); 4 – акинак (Бужор, ПМ, 2015); 5 – акинак (ОПХ «Анапа»); 6 – акинак (Бужор, ПМ, 1989); 7, 9 – детали сбруи (Цемдолина-1 (Золотая Рыбка)), 8, 11 – наконечники стрел и бутероль ножен (Владимировский м-к); 10 – бутероль ножен (Цемдолина-1 (Золотая Рыбка)

части (континентальной – Цемдолинский⁴⁶, Владимировский⁴⁷, и прибрежной – Лобанова щель⁴⁸, Райский уголок, Шесхарис⁴⁹) п-ова Абрау (рис. 5. *1.1–14*). Половина указанных комплексов было изучено на шести могильниках, расположенных в северной части полуострова, в обширной Анапско-Натухаевской долине, принадлежащих синдам античных авторов и боспорских надписей.

Один из синдских погребальных памятников п-ова Абрау, м-к ОПХ «Анапа», расположен в 9 км от побережья, близ существовавшей с древнейших времен переправы через р. Анапка. Захоронения ранней группы совершены согласно погребальным традициям, которые восходят к каменным конструкциям, известным в регионе с эпохи средней бронзы: под каменными закладами, в неглубоких ямах, окруженных округлой обкладкой из крупных камней в один-два ряда. Погребения одиночные и парные, совершены вытянуто на спине головой в восточный сектор. С предшествующим, доскифским периодом комплексы связывают ковши с петельчатыми и плоскими ручками, пластинчатые бронзовые браслеты и булавка типа Сукко.

Вместе с тем, из этих комплексов происходит импортная керамика (теосская амфора и фр-т ионийского килика) конца 7 – первой половины 6 в. до н. э.,

⁴⁶ Дмитриев, Малышев 2005, 18.

⁴⁷ Шишлов, Федоренко 2007, 69–70.

⁴⁸ Дмитриев, Малышев 1999, 17–52.

⁴⁹ Дмитриев 1976, 20–21; Дмитриев, Малышев 2005, 18–22.

определяющая период функционирования могильника. Данные о присутствии в регионе синхронных памятников кочевой скифской погребальной культуры отсутствуют. Тем не менее в комплексах м-ка ОПХ «Анапа» обнаружен короткий клинок скифского типа ⁵⁰ и дистанционное оружие: железные, бронзовые и костяные наконечники стрел, костяные застежки горитов. ⁵¹

Сходные по обряду и составу заупокойного инвентаря погребения открыты на расположенном в 2 км восточнее некрополе у хут. Рассвет⁵², а также в находящемся выше по течению р. Маскаги могильнике, впущенном в насыпь кургана 3 у ст. Раевской.⁵³ Отмечены подобные погребения и в восточной части региона – во Владимировском могильнике, расположенном в долине р. Цемес.⁵⁴

Позднее распространяется практика захоронений в каменных ящиках из больших плит песчаника, обложенных с внешней стороны крупными необработанными камнями. Данный вид погребальных конструкций представлен в большинстве перечисленных некрополей, наиболее широко – на могильниках у пос. Рассвет и в урочище Родники. Для могильников характерно плотное упорядоченное (часто рядами) расположение гробниц, которые, как правило, служили семейными усыпальницами (рис. 1. 4, 5).

Расположение аборигенных грунтовых некрополей свидетельствует об экстенсивном хозяйстве, предполагающем большие по площади хозяйственные угодья, границами которых были ландшафтные маркеры: водоразделы (и горные массивы) и, прежде всего, водотоки. Речная сеть южной Синдики (Анапско-Натухаевской долины) позволяет выделить ряд микрорегионов: правый (северный) и левый (южный) склоны Анапско-Натухаевской долины, а также междуречье (гора Маскага) впадающих в Анапские плавни рек Котламы и Маскаги.

Раскопки последних десятилетий заметно расширили представление о характере и топографии распространения античного импорта на территории полуострова Абрау на раннем этапе греческой колонизации (конец 7–6 в. до н. э.). Фрагменты расписного ионийского сосуда конца 7 в. до н. э. найдены при исследовании могильника в с. Су-Псех. 55 На расположенном неподалеку поселении Ленина встречены многочисленные фрагменты расписных ионийских сосудов первой половины 6 в. до н. э. 56 Анализ материалов раскопок прежних лет дает основания утверждать, что в 6 в. до н. э. греческая столовая посуда попадала к населению глубинных районов п-ова Абрау. Так, фрагменты ионийского килика и ножка чернолакового кубка встречены при исследовании сильно разрушенного распашкой участка Цемдолинского некрополя. Ионийский килик и ойнохоя найдены на восточной периферии полуострова при раскопках могильника Шесхарис.

Начиная с середины 6 в. до н. э. приток греческой столовой посуды к местному населению полуострова Абрау становится массовым. В значительной мере этому процессу способствовало возникновение во второй половине 6 в. до н. э. греческого поселения на месте Анапы — Синдской Гавани. Особенно показательны материалы синдского некрополя у хут. Рассвет, в котором доля античного импорта составила не менее 50% в керамическом комплексе второй половины 6–5 в. до н. э. ⁵⁷ В погребениях встречены образцы родосско-ионийской (столовые амфоры, кувшины-ойнохои, килики, чашечки на ножке и чашечки с петлевидными ручками) и чернолаковой (килики и их вторично использованные ножки, солонки). Помещенные в погребения тарные амфоры относятся к продукции Лесбоса, Хиоса, круга Фасоса и неустановленных центров Северной Эгеиды (рис. 6. 2, 3, 9, 10). ⁵⁸ Причем, отмечено не только возрастание количества предметов античного импорта, но и массовые случаи подражаний формам греческих сосудов.

⁵⁰ Короткий железный кинжал, обладающий рядом архаических признаков: бабочковидным перекрестием и дуговидно изогнутым стержневидным навершием.

⁵¹ Малышев, Новичихин 2022, 162–164.

⁵² Новичихин 2010, 192.

⁵³ Дмитриев 1987, 9–15.

⁵⁴ Шишлов, Федоренко 2007, 69-70.

⁵⁵ Sudarev et al. 2021, 53, fig. 7.

⁵⁶ Ibid. 53–55, fig. 8.

⁵⁷ Новичихин 2010, 204.

⁵⁸ Там же, 204–218.

Рис. 6. Античный импорт 7–5 вв. до н. э. на п-ве Абрау: 1 — венчик ионийской чаши (Алексеевское пос.); 2 — амфора Теоса (м-к ОПХ «Анапа»); 3 — амфора (м-к Родники-2); 4 — столовая амфора (м-к Рассвет); 5–7 — килики и чашечка с горизонтальной ручкой (м-к Рассвет); 8, 9 — солонка и амфора Фасоса (Родники-3); 10 — амфора Фасоса (Родники-1); 11 — амфориск (Родники-3); 12 — хиосская амфора в гробнице м-ка Родники-3 (раскопки А.А. Малышева в 2022 г.)

К сожалению, большая часть поселений греко-варварских контактных зон были расположены в непосредственной близости от морского побережья и в настоящее время разрушены морской абразией. Среди них были станции, которые обеспечивали каботажное плавание (по-видимому, где-то в окрестностях Малого Утриша), а также основанные на древних перекрестках морских и сухопутных путей эмпориальные поселения. Один из таких центров, по-видимому, располагался в устье реки Мысхако, другой (изначально агломерация греческих поселений: расположенная на черноморском побережье Синдская гавань и Алексеевское поселение возле Анапских плавней, в недавнем прошлом морском заливе) был основан в южной части устья Анапско-Натухаевской долины.

Строительные горизонты конца 6–5 в. до н. э., остатки фортификационных (глубокий ров и каменная стена) сооружений 5 в. до н. э. свидетельствуют 59, что за более чем вековую историю поселение 60, расположенное на черноморском побережье, постепенно формируется в крупный боспорский полис. Благосостояние Синдской Гавани было основано на навигации и торгово-обменных операциях, для которых были задействованы и связанные с передвижениями кочевников еще в эпоху бронзы сухопутные маршруты. 61 Успешное развитие этого центра, несмотря на сложности с питьевой водой, свидетельствует об экономической востребованности.

Судя по надгробию Филоксена, сына Келона, из Пелопонесса (древнейший эпиграфический памятник, первой половины 5 в. до н. э.)⁶², среди горожан были выходцы из средиземноморских центров, в частности, из Гелики, а также — «эллины, пришедшие из ближайших местностей» Псевдо-Скимна (886–889) (городов азиатского Боспора).⁶³ Наличие в некрополе Синдской Гавани характерных для аборигенного населения каменных погребальных конструкций позволяет

⁵⁹ Алексеева 1991, 15, 16.

⁶⁰ По наблюдениям Е.М. Алексеевой (2010, 473), наиболее ранние строительные сооружения на Анапском городище могут быть датированы последней четвертью 6 в. до н.э.

⁶¹ Кочевническую трассу, ведущую в Прикубанье, маркируют многочисленные курганные группы на правом, высоком берегу р. Анапки.

⁶² Болтунова 1986, 59–61.

⁶³ Иванчик 2010, 330–331; Новичихин 2017, 74–76.

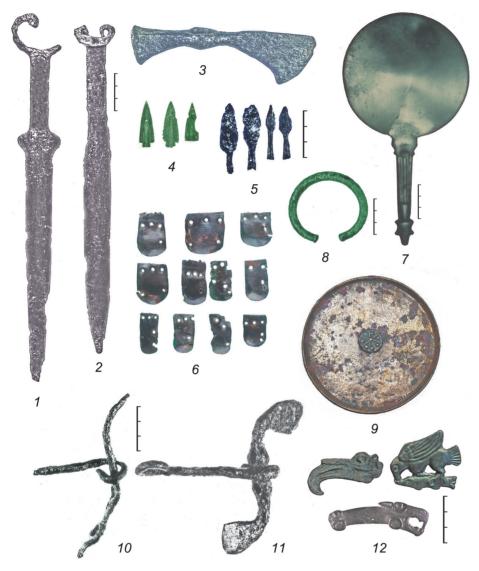

Рис. 7. Погребальный инвентарь кон. 7–6 вв. до н. э.: 1, 2, 4–6, 8, 10–12 – акинаки (погр. 8,12); топор, наконечники стрел (бронза и железо), пластины доспеха, браслет (бронза), уздечный набор (железо) и декор конской сбруи (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка, раскопки А. А. Малышева в 1995 г.); 7 – зеркало ольвийского типа (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка) раскопки Н. А. Онайко в 1972 г.), 9 – зеркало, бронза (Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева, 2006 г.).

предположить среди обитателей раннего греческого поселения и выходцев из местной племенной среды — синдов. 64

Отсутствие находок «синдских» монет в Анапско-Натухаевской долине позволяет предположить, что Южная (Синдская Гавань) и Северная (район Семибратнего городища – Лабриса) части Синдики не представляли собой единое экономическое пространство. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что деятельность греческих колонистов в регионе стимулировала развитие межкультурных взаимодействий в целом. В частности, несмотря на отсутствие явно выраженных следов пребывания в регионе носителей скифской (или скифо-савроматской) культуры, нельзя не отметить устойчивых связей местного населения с миром кочевников южнорусских степей. Это проявляется в появлении предметов скифского звериного стиля в погребениях (могильники Семигорский 65, Владимировский 65, Цемдолинский 67), в находке в культурном слое поселения, предшествовавшего эллинистическому архитектурному ансамблю на месте Раевского городища, бронзового зеркала скифского типа с центральной ручкой 68, в широком распространении мечей и кинжалов скифского типа (рис. 7). Среди последних имеются ранние экземпляры, в том числе переходных форм

⁶⁴ Новичихин 2017, 82.

⁶⁵ Канторович, Шишлов 2014, 85–95.

⁶⁶ Шишлов и др. 2007, 5, рис. 3. *10.*

⁶⁷ Малышев, Равич 2001, 104–111.

⁶⁸ Малышев 2007а, 74–75; 2010, 178, рис. 4. b.

Рис. 8. Межкультурные контакты на Северном Кавказе (1): 1.1 – ОПХ «Анапа»; 1.2 – м-к Лобанова щель; 1.3 – Цемдолина-1 (Золотая Рыбка). 2–3 – комплекс захоронения и реконструкция погребенной м-к Лобанова Щель (погр. 15), 4 – кобанская корчага (ОПХ «Анапа»); 5,7,8 – фибула, перстень и браслет (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка) раскопки А. А. Малышева в 1995 г.); 6 – фибула (ПМ).

от кабардино-пятигорского клинкового оружия к скифскому акинаку (находки из разрушенных могильников у хут. Бужор⁶⁹), а также кинжалы, имеющие «не канонические» элементы оформления: серповидное навершие (ОПХ «Анапа»)⁷⁰, перевернутое бабочковидное перекрестие (Гай-Кодзор). 71

Отмечается активизация связей местного населения и с другими районами Кавказского Причерноморья, Центрального Предкавказья и, в особенности, с территорией современной Абхазии. К свидетельствам таких связей относится комплекс инвентаря женского погребения, открытого на могильнике в устье Лобановой щели: погребенную здесь молодую особу сопровождал не типичный для региона набор бронзовых пластинчатых браслетов с елочным орнаментом (рис. 8. 2, 3). Пластинчатый браслет с более сложным гравированным орнаментом и фрагмент раскованного в форме листа окончания гривны (или спинки фибулы) происходят из разрушенной части Цемдолинского некрополя (рис. 8. 5, 7, 8). Предметы эти находят близкие аналогии в могильниках колхидской культуры, открытых на территории Абхазии. ⁷² Колхидский облик имеют и орнаментированные бронзовые фибулы, найденные в приморской части полуострова (рис. 8. 6). Указанные находки могут свидетельствовать о существовании в 6–5 вв. до н. э. морских путей, по которым вдоль черноморского побережья Кавказа осуществлялись контакты между отдаленными группами населения.

Полуостров Абрау в период боспорской колонизации

В греческой надписи из Нимфея боспорский царь Левкон, сын Сатира, назван архонтом «всей Синдики» ($\tau \tilde{\eta}_{\varsigma} \sum \iota v \delta \iota \kappa \tilde{\eta}_{\varsigma} \pi \acute{\alpha} \sigma \eta_{\varsigma}$). Расположенный на высоком морском берегу, близ устья реки Анапки центр, известный античным авторам как Синдика или Синдская Гавань, получил название в честь Горгиппа, брата Левко-

⁶⁹ Новичихин 1990, 61–73; 2019, 109, рис. 1. *1.*

⁷⁰ Алексеева 1991, рис. 48. *7.*

⁷¹ Новичихин, 1997.

⁷² Воронов 2006, рис. 13, 14.

⁷³ Соколова 2001, 268–274; Соколова, Павличенко 2002, 99–121.

на, принимавшего, согласно сообщению Полиэна (VIII. 55), активное участие в покорении Синдики. Данные письменных источников свидетельствуют о заметном возрастании значимости и политического влияния этого региона с момента его включения в состав Боспорского государства. ⁷⁴ На протяжении всей эпохи эллинизма (середина 4 – середина 1 в. до н. э.) сохраняется традиция управления Горгиппией царскими наместниками из числа младших представителей правящей династии. Под их контролем находятся наиболее доходные отрасли экономики: торговля (КБН, add. 4) и, по-видимому, керамическое производство.

Об экономическом и политическом присутствии Боспора свидетельствуют нумизматические находки. Древнейшие из них происходят из окрестностей пос. Усатова Балка: серебряная гемидрахма Пантикапея 400-375 гг. до н. э. (голова бородатого сатира вправо – голова льва вправо, $\Pi ANTI$) и медная лепта 389-379 гг. до н. э. (голова бородатого сатира вправо – голова лошади вправо, $\Pi ANTI$) (рис. 9. 3).

Судя по находкам целой серии монетных кладов⁷⁷, окрестности поселения Усатова Балка занимали особое место в экономической географии горгиппийской хоры. Весьма вероятно, что в древности, как и в Новое время, здесь располагалась удобная переправа через реку Анапку (рис. 9. 2). ⁷⁸ Не случайно, в раннеримское время здесь было возведено башенное сооружение, призванное контролировать сухопутное сообщение Горгиппии с северными районами Синдики.

Синдика у Страбона (Strab. VII. 4, 6) названа одним из наиболее хлебородных районов Северного Причерноморья (рис. 2. 2), поэтому установление контроля над расположенным в непосредственной близости от черноморского побережья источником огромного количества товарного зерна было для Боспора вопросом стратегическим. В связи с этим, пространства с известным своим особым плодородием почвами до предгорий хребта Семисам 79 стремительно осваиваются. Благодаря интенсивному античному типу хозяйства возрастает плотность поселений южнее (на площади ок. 14 км²: Су-Псех) и восточнее (на площади ок. 20 км²: Алексеевка, Усатова Балка) Горгиппии (рис. 9. 2, 4, 5).

В связи с полным освоением пригодных для развития зернового хозяйства пространств в хозяйственный оборот включаются земли, расположенные вне зон особого плодородия, что, по-видимому, объясняется заметным притоком населения в южную Синдику. Причем это отмечено как на ближней хоре Горгиппии, где античные усадьбы появляются на склонах хребта Семисам, так и в районах к востоку от черноморского побережья. Ресурсная привлекательность этих мест уступает уже освоенным районам. Здесь преобладает пересеченный рельеф, поэтому открытые пространства для хозяйственной деятельности (в местной топонимике – «поляны») ограничены. О хронологии этого этапа боспорской колонизации можно судить на основе нумизматических материалов: массовое распространение боспорских монет в долине р. Анапки и ее притоков происходит во второй половине 4 в. до н. э.

Местные дерново-карбонатные и коричневые почвы при низкой агрикультуре стремительно истощаются. «Письмо с горгиппийских наделов» управляющего хозяину о созревании смокв и винограда на фрагменте керамики 80 , а также винодельческий комплекс на одной из усадеб (рис. 9. 9), свидетельствуют, что в окрестностях Горгиппии производилось не только зерно, но выращивается и перерабатывается виноград.

Продвижение боспорян на восток осуществлялось по речной сети, образованной руслами рек Маскаги и Котламы. В древности они были явно более полноводны и активно использовались для навигации. На восточных рубежах

- ⁷⁴ Завойкин 2002, 95–106.
- ⁷⁵ Определение М. Г. Абрамзона (Сапрыкина и др. 2020, табл. 1, анализ 20).
- ⁷⁶ AHOXUH 1986, № 87.
- 77 Отсюда происходят четыре клада пантикапейских медных монет, охватывающие хронологический промежуток с последней трети 4 в. до н.э. до третьей четверти 3 в. до н.э. (Абрамзон, Коваленко, Сударев 2011, 146—165; Абрамзон, Новичихин 2017, 377—388; 2018, 234—249). В их числе один из самых крупных (21366 экз.) на сегодняшний день боспорских кладов, весом 46,8 кг, практически целиком состоял из деградированных боспорских медных монет типа: голова безбородого сатира влево лук, стрела, ПАN времени денежного кризиса.
- ⁷⁸ Судя по концентрации в районе Усатовой Балки группы курганов, некоторые из которых были возведены над погребениями эпохи энеолита и среднего бронзового века, возникновение переправы следует относить к глубокой древности.
- 79 Пространства между Анапой и Кубанью, называемое Анапской равниной (у адыгов Хакой). Л. М. Серебряков в письме светлейшему князю А.С. Меньшикову в сентябре 1842 г. сообщал: «Надо доложить Вашей светлости, что из числа этого пространства, от Анапы до Гостогая и Кубани против Темрюка до 50 тысяч десятин чистой и плодородой степи, где горцы, хотя и не живут, но пользуются ею как в ближайших лесах живущие, так и дальние натухайцы. Более тысячи плугов ежегодно беспрепятственно обрабатывали эту степь...» (Хотко 2015, 124).

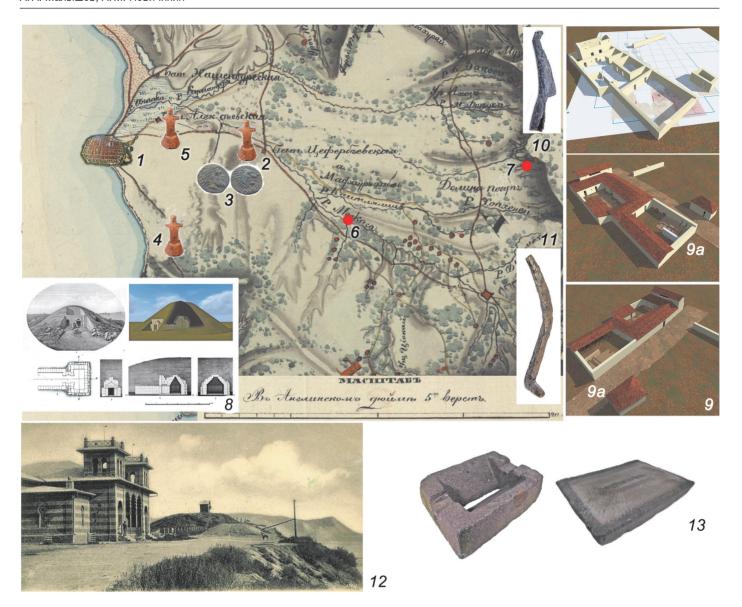

Рис. 9. Горгиппия и ее хора (основа – карта 1 отделения черноморской береговой линии, 1844: РГАВМФ. ф. 1331. оп. 2. д. 49. л. 2.): 1 – Горгиппия; 2 – комплекс усадеб у пос Усатова Балка; 3 – серебряная гемидрахма Пантикапея; 4 – комплекс усадеб у пос. Су-Псех; 5 – комплекс усадеб у пос. Алексеевское; 6 – Раевское г-ще; 7 – поселение Помидоры; 8 – склеп одного из Тарасовских курганов; 9 – усадьба с винодельческим комплексом (раскопки К. В. Воронина и М.Ю. Меньшикова в 2013 г., 3d-реконструкция В. В. Моора); 10 – виноградный нож; 11 – серп; 12 – останец курганной насыпи на Высоком берегу Анапы (фото начала XX в.); 13 – ручная мельница.

горгиппийской хоры, которые во многом совпадают с границами распространения пояса плодородных земель, на рубеже 4–3 вв. до н. э. боспоряне устанавливают контроль над важнейшими водными и сухопутными магистралями: были основаны поселения на высоком берегу Маскаги (Раевском городище) и в месте слияния двух притоков Котламы (поселении Помидоры⁸¹) (рис. 9. *6*, *7*).

По словам одного из первых исследователей археологических древностей этого региона В.И. Сизова, Ногай-Кале (Ногайская крепость, ныне Раевское городище) удобно расположено относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапской долины, но и всего п-ова Абрау, буквально «царит» над местностью. 82

⁸¹ Малышев 2016, 96-97.

⁸² Сизов 1889, 112.

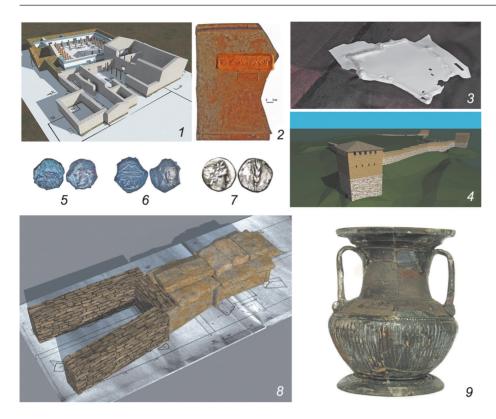

Рис. 10. Горгиппийская хора в 3-2 вв. до н.э.: 1 – монументальное сооружение эллинистической эпохи на Раевском г-ще (3d-реконструкция В. В. Моора); 2 - керамида с клеймом из раскопок здания (2003 г.); *3* – антропогенный ландшафт Раевского г-ща, 4 – Юго-Восточная башня Раевского г-ща (3d-реконструкция В. В. Моора); 5-6 - пантикапейские бронзовые монеты втор, пол. 3 в. до н.э. (Шелов 1956, табл. VI, 65-66) на пос. Помидоры (раскопки А. А. Малышева. 2012 г.); 7 – серебряная монета (Пантикапей) посл. треть. 3 в. до н.э. (Шелов 1956, табл. VI, 81, Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева, 2002 г.); 8, 9 – склеповое сооружение (3d-реконструкция В. В. Моора) и обожженая столовая аттическая амфора 2 в. до н.э. из разрушенного подкурганного захоронения в (междуречье Маскаги и Шум-речки, раскопки А.В. Дмитриева, 1987).

Особый интерес вызывает комплекс эллинистической застройки площадью ок. 0,15 га в северо-западной части городища, который перекрыл культурный слой аборигенного поселения эпохи раннего железа (рис. 10. 1). Стены сооружений довольно точно ориентированы по сторонам света, характер заполнения помещений и высота кладок из местных пород (песчаники и известняки) позволяют предположить использование типичного для Боспора приема возведения сырцовых стен на каменном цоколе (сырцово-каменная архитектура). Волее податливый для обработки привозной ракушечник использовался для изготовления архитектурных деталей.

Многое свидетельствует о высоком статусе владельца комплекса. Мощность каменных стен (толщиной до 1,6 м) позволяет предположить, что постройки в его северной части имели два уровня. С внешней стороны стены были покрыты белой однослойной штукатуркой, а с внутренней – двухслойной, на которой сохранились фрагменты полихромной фресковой росписи. В основе комплекса, подобно общественным и сакральным зданиям центров материковой Греции (Пританейон в Олимпии, героон Калидона, дворцовый комплекс в Лариссе)⁸⁴ и Пантикапея⁸⁵, был закрытый перистильный дворик. Он сохранился в виде стилобата портика из обработанных блоков ракушечника, расставленных с двухметровым интервалом, причем на некоторых из них обнаружены базы колонн. Стены дворика были украшены полихромной росписью. Здания монументального комплекса покрыты обычной для греческой традиции черепичной кровлей. Черепица, судя по многочисленным клеймам (ЕҮМЕЛОҮ), изготовлена в мастерских Горгиппии и доставлена по судоходной в те времена Маскаге (рис. 10. 1, 2). Сооружение такого престижного архитектурного комплекса, который мог принадлежать боспорскому наместнику в Горгиппии, свидетельствует о крайней заинтересованности в территориях, расположенных на значительном (20 км) удалении от Черноморского побережья.

⁸³ Крыжицкий 1984, 202

⁸⁴ Lawrence 1957, 219–221, fig. 89, 90, 123; 245, fig. 138.

⁸⁵ Крыжицкий 1993, 149, рис. 102.

Исследования, начатые в 1954 г. В. Д. Блаватским, позволили выявить целый ряд неоспоримых свидетельств существования на Раевском городище многофункционального (административного и торгово-ремесленного) городского центра горгиппийской хоры. Культурные остатки эпохи эллинизма зафиксированы на памятнике повсеместно, причем состав находок (многочисленные монеты, широкий ассортимент античной керамики, в т.ч. культовые терракоты и лампы) сопоставим с материалами античных поселений на черноморском побережье.

Площадь городища была освоена человеком еще в эпоху ранней бронзы, тем не менее до наших дней сохранились очертания антропогенного ландшафта эпохи эллинизма: фортификационные сооружения общей длиной 0,91 км опоясывают площадь 5,63 га (рис. 10. 3). Появление мощной фортификационной системы, основанной на соотношении высоты валообразной насыпи и плотности башенного фронта (рис. 10. 4) в свидетельствует о резком изменении этнополитической ситуации в регионе в позднеэллинистическую эпоху. Помимо резиденции правителя 7, которая была перенесена под защиту стен, на северо-восточный мыс крепости, на внутренней площадке городища обнаружены земледельческие орудия, а также свидетельства наличия черной и цветной металлообработки. Не исключено, что жители поселений хозяйственной периферии Раевского городища (площадью ок. 9 км²), расположенных на правом пологом берегу притока реки Маскага — Бедрички, производили товарное зерно.

В отличие от перекрытого насыпями крепости монументального эллинистического комплекса, где свидетельства разгрома отсутствуют и все говорит о постепенном запустении, в руинах Восточного, Юго-Восточного и Южного башенных сооружений внешнего оборонительного комплекса, бытование и гибель которых датируется в пределах эллинистического периода, зафиксированы следы мощных военных (?) пожарищ. С нестабильной политической обстановкой на Боспоре в последних десятилетиях 2 в. до н. э. в целом обычно связывают обнаруженный в ст. Раевской клад пантикапейских медных монет (322 экз.). 88 Не менее значительные потрясения происходят в этот период и в южной Синдике.

О развитии этнополитической ситуации на п-ове Абрау 4–2 вв. до н. э. свидетельствуют материалы из погребальных памятников. Эллинскую (боспорскую) культуру населения Горгиппии и ее хоры характеризует распространение античных погребальных традиций: «обол Харона» в и, возможно, трупосожжение (рис. 10. 9).

Об экономическом расцвете Горгиппии в эллинистическую эпоху свидетельствуют величественные подкурганные захоронения в склепах, значительная часть которых, как в остальных городах Боспора (Пантикапей, Фанагория и Гермонасса), была расположена вдоль основных сухопутных трасс. ⁹¹ Подобно «памятнику Сатира – могиле, насыпанной на мысу в память об одном из могущественных владык Боспора» (Strab. XI. 2, 7; пер. Ф.Г. Мищенко), целый ряд монументальных погребальных сооружений эллинистической эпохи сыграл важную роль в топонимике юго-западной Синдики, напоминая о высоком статусе погребенного. Они веками служили надежными навигационными и пограничными ориентирами. Судя по военным картам периода русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX в., группа курганов находилась в непосредственной близости от городища Горгиппии, причем один располагался на крутом морском берегу ⁹² и служил ориентиром для каботажного плавания. В конце XIX в. на этом месте был установлен маяк (рис. 9. *12*).

Большая часть этих не менее величественных, чем Семибратние курганы сооружений была исследована во время «курганной лихорадки» XIX века, и, к сожалению, давно вычеркнута из современного антропогенного ландшафта.

⁸⁶ При снижении высоты валообразной насыпи прослежено увеличение плотности башенного фронта практически вдвое.

⁸⁷ Сизов 1889, 117.

⁸⁸ Абрамзон, Фролова, Горлов 2000, 326–343; 2002, 147–157.

⁸⁹ Кругликова 1970, Приложение, № 142, 143; Фролова 1997, Приложение, № 46–48, 50, 122, 124, 128.

⁹⁰ Дмитриев 1987, 5, рис. 30.

⁹¹ Ростовцев 1925, 296.

⁹² Веселовский 1914, 61.

В частности, о расположенной на южных пределах горгиппийской хоры, на северном склоне хребта Семисам, группе курганов «Три Сестры» известно, что под самыми высокими в окрестностях насыпями были открыты две каменных гробницы и одна из сырцового кирпича. На северных пределах земледельческого пояса Синдики, в незначительном (в 1,4 км) удалении от морского побережья, в западной части ориентированного широтно скального отрога сохранились остатки насыпи Витязевского кургана. Значимость этой локации подчеркивает размещение казаками на вершине насыпи кургана, высотой – 11 м (5 саж), сторожевой наблюдательной вышки (1882 г.). Исследования 2020 г. зафиксировали останец насыпи кургана семиметровой высоты, вокруг которого грунт срезан землеройной техникой до скальной породы. Диаметр кургана, судя по длине останца (ок. 40 м) и размерам карьера на месте насыпи, был свыше 100 м.

Менее грандиозны оказались подкурганные склеповые сооружения на восточных рубежах земледельческой хоры Горгиппии. Об этом, помимо Тарасовских курганов, свидетельствуют открытые относительно недавно (1986–1987 гг.) руины склепа с двумя сложенными из обработанных известняковых блоков прямоугольными погребальными камерами под пологой (не более полутора метра) насыпью. С северо-запада к склепу примыкал коридор-дромос (рис. 9. 8; 10. 8).

Несмотря на обширный ареал исследованных комплексов аборигенного населения п-ова Абрау второй половины 4-2 в. до н. э., их количество не превышает нескольких десятков. Часть захоронений обнаружено в обычных каменных ящиках, часть в гробницах, которые под воздействием боспорских погребальных традиций претерпевают конструктивные изменения: подобно античным склепам вход в погребальную камеру, сложенную, как правило, из массивных плит, осуществлялся с торцевой, западной стороны. Доступ внутрь был оформлен массивным блоком порогового камня и вертикальными плитками коридора-дворика (рис. 11. 2-5, 9). Не исключено, что находки пантикапейских монет (типа «голова сатира вправо – лук, стрела, ΠAN ») в этих каменных склепах являются свидетельством распространения эллинского обычая «обол Харона». 93 Небольшое количество известных погребальных комплексов аборигенного населения п-ова Абрау эпохи эллинизма прямо или косвенно свидетельствует о резком сокращении населения. в особенности в южной части региона. Данное обстоятельство может быть связано как с природно-климатическими явлениями, которые отразились на ресурсной базе экономики населения долин юга п-ова Абрау, так и с этнополитическими причинами: с борьбой Боспора с морскими пиратами, которую вел Евмел (Diod. XX. 24), или с продвижением в регион населения из Прикубанья.

Помимо сообщающих о подвластных Боспору меотских племенах титулатур⁹⁴, известно о заключении династического брака царя синдов Гекатея с меотянкой Тиргатао из племени иксоматов (Polyaen. Strat. VIII. 55), об участии в междоусобной борьбе царя фатеев Арифарна на стороне Евмела (Diod. XX. 22). Относительно недавно в научный оборот были введены археологические материалы о переселении на рубеже III—II вв. до н. э. в северную часть п-ова Абрау обитателей равнинных районов долины реки Кубань — меотов. 95 В окрестностях Раевского городища обнаружены захоронения около сотни участников бурных событий II в. до н. э. в восточной части горгиппийской хоры. Они совершены в грунтовых ямах, возможно, в земляных подбойных камерах. Согласно меотскому обычаю, под головой умерших были положены миски (рис. 12. 1). Вместе с тем, обильный погребальный инвентарь, состоящий в основном из изделий античного ремесла, говорит об адаптации этого населения в реалиях Азиатского

⁹³ Александровский и др. 1999, 15; Шишлов, Колпакова, Федоренко 2018, 341, рис. 8. *1.*

⁹⁴ Шилов 1950, табл. 1; Горончаровский, Иванчик 2010, 222–223.

⁹⁵ Малышев 2007б.

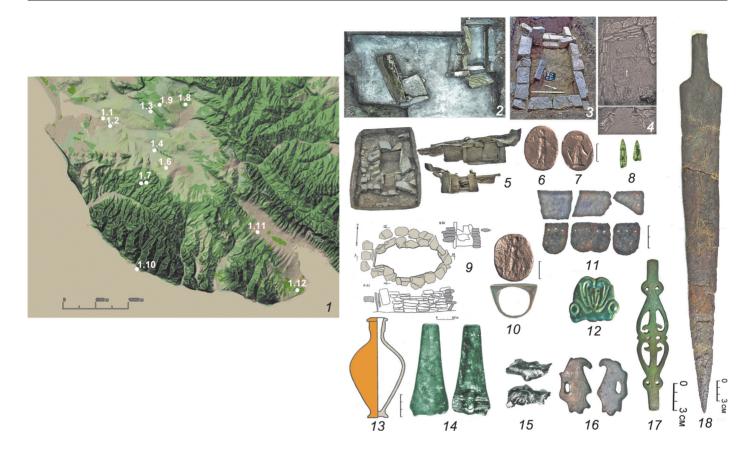

Рис. 11. Погребальные памятники п-ова Абрау кон. 4–2 вв. до н.э. (1): 1.1 – м-к у хут. Рассвет; 1.2 – погр. 2, м-к Заря-2 (раскопки А. В. Шишлова в 2016 г.); 1.3 – м-к Барашник (раскопки К. А. Демичева в 2012 г.); 1.4 – некрополь Раевского г-ща (раскопки А. А. Малышева в 1998 г.); 1.6 – м-к на ул. Колхозная (ст. Раевская, раскопки А. А. Малышева в 2009 г.); 1.7 – м-ки Сукко-1/2 (разведки Н. И. Сударева в 2013 г.); 1.8 – м-к Родники-1 (раскопки К. А. Демичева в 2013 г., А. А. Малышева в 2014 г.), 1.9 – м-к в урочище Самойленко (раскопки А. А. Малышева в 2018 г.); 1.10 – м-к в Лобановой щели (раскопки А. А. Малышева в 1990 г., А. В. Колпаковой в 2006 г.); 1.11 – Цемдолина (раскопки А. В. Шишлова в 2009 г.); 1.12 – м-к Аэропорт (раскопки А. М. Новичихина в 2021 г.).

2 – склепы (погр. 1,2 м-ка Родники-1); 3 – склеп на некрополе Раевского г-ща; 4, 7 – склеповое сооружение и перстень с изображением из захоронения (ул. Астраханская, г. Новороссийск); 9, 10, 13 – склеповое сооружение, флакон (погр. 13) и перстень птолемеевского типа (погр. 8) (м-к в Лобановой щели, раскопки А. А. Малышева, 1990 г.); 5 – склеповое сооружение в урочище Самойленко; 8, 11, 12, 14–16 – наконечники стрел (бронза), пластины железного панциря, декор (бронза) конской упряжи и фр-т изделия из серебра (голова дельфина (?)) из распаханного захоронения (Цемдолина-2); 17, 18 – инвентарь (наносник (бронза) и меч (железо)) синдо-меотского облика (погр. 12, м-к Аэропорт)

Боспора. О воинственности этого населения свидетельствует находка в каждом четвертом захоронении комплекса наступательного вооружения, в состав которого входят длинные всаднические мечи «синдо-меотского» типа (рис. 12. 5).

Заключение

Судя по имеющимся археологическим материалам, в доколонизационный период территория п-ова Абрау была полностью освоена, однако архаичные приемы хозяйствования тормозили рост населения, которое вело, судя по всему традиционный, замкнутый образ жизни.

Появление на п-ове Абрау в конце 7 в. до н. э. греческих переселенцев стимулировало товарно-обменные связи, в которые были вовлечены различные

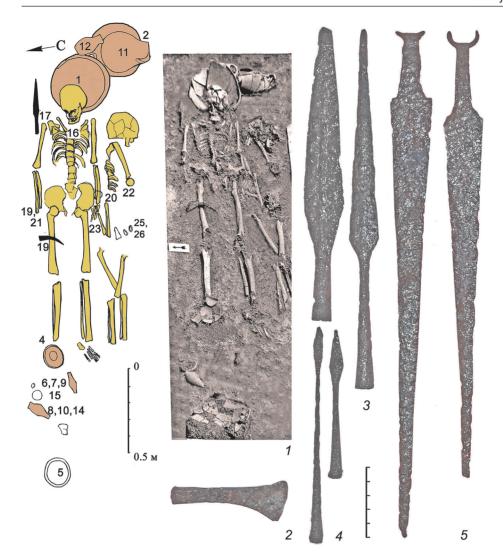

Рис. 12. Раевский некрополь (раскопки А. В. Дмитриева, 1984,1985 гг.): 1- погр. (чертеж, фото); 2- топор; 3- наконечники копий; 4- наконечники дротиков; 5- мечи синдо-меотского типа

по удаленности от черноморского побережья регионы. На протяжении 6–5 вв. до н. э. успешно развивается расположенная на перекрестке сухопутных и морских магистралей Синдская Гавань. Резкое возрастание числа синхронных погребальных комплексов на аборигенных некрополях п-ова Абрау объясняется формированием условий демографического оптимума для населения предгорий черноморского побережья Северного Кавказа в этот период. Это, по всей видимости, связано с вовлечением синдов, керкетов и торетов в сложившуюся в результате греческой колонизации экономическую систему. О значительном расширении спектра контактов аборигенного населения п-ова Абрау свидетельствует не только многочисленный греческий керамический импорт, но и древности скифо-савроматского и кобано-колхидского круга.

В результате боспорской колонизации северной части п-ова Абрау (4–2 вв. до н. э.), которая была нацелена на реализацию аграрных возможностей региона, прежде всего получения товарного зерна, стремительно развивается не только переименованная в Горгиппию Синдская Гавань, но и ее хора. На восточных рубежах хозяйственной периферии, на высоком берегу Маскаги (Раевское г-ще), в конце 4 – начале 3 в. до н. э. была сооружена резиденция горгиппийского правителя. В результате хозяйственного освоения пространств на десятки

километров от побережья аборигенное синдское население было либо оттеснено в горы, либо эллинизировано и ассимилировано. О распространении античных погребальных традиций свидетельствует обширный ареал гробниц с входом с западной торцевой стороны.

Крайне неблагоприятно складывается ситуация и для обитавших в южной части п-ова Абрау керкетов и торетов: отмечено резкое сокращение погребальных комплексов 4–2 вв. до н. э., что может быть вызвано стремлением боспорян обезопасить навигацию и другую хозяйственную деятельность от пиратов. В свое время Евмел для борьбы с пиратами усилил боспорский флот (Diod. XX. 24). По-видимому, была и сухопутная часть этой операции, в которой приняли участие поселившиеся в восточной части Анапско-Натухаевской долины мигранты из равнинных районов Закубанья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. 2000. Раевский клад медных пантикапейских монет II в. до н. э. // ПИФК 9, 58–63.

Абрамзон М. Г., Коваленко М. А., Сударев Н. И. 2011. Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова Балка 3» // ПИФК 4, 146–165.

Абрамзон М. Г., Новичихин А. М. 2017. Крупнейший клад пантикапейских медных монет III в. до н. э. с хоры Горгиппии (2013 г.) // ВДИ 2, 377—388.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Александровский А.Л., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А., Смекалова Т.Н. 1999. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследования) // ДБ 2, 7–29.

Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. Москва.

Алексеева Е. М. 2010. Горгиппия // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани І. Москва, 471–509.

Берлизов Н. Е., Пьянков А. В., Богачук Е. О. 2015. Случайные находки эпохи раннего железа и средневековья из окрестностей г. Новороссийска // Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье (Анфимовские чтения V). Краснодар, 24–36.

Блаватский В. Д. 1951. Разведки в Анапе // КСИИМК 37, 245-248.

Блаватский В. Д. 1959. Исследования Раевского городища в 1954 г. // КСИИМК 77, 42–50. Болтунова А. И.1986. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ 1, 43–61.

Веселовский Н. И. 1914. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград.

Виноградов Ю. Г. 1997. Письмо с горгиппийских наделов // Е. М. Алексеева. Античный город Горгиппия. Москва, 543–556.

Воронов Ю. Н. 2006. Колхида в раннем железном веке. Колхида на рубеже средневековья // Ю. Н. Воронов. Научные труды в семи томах. Т. І. Сухум.

Вязкова О. Е. 1999. Палеореконструкция геоморфологической обстановки античной эпохи в окрестностях мыса Малый Утриш // Историко-краеведческий альманах 5, Армавир–Москва, 52–58.

Гарбузов Г. П. 2013. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ 17, 110–131.

Гей А. Н., Малышев А. А., Равич И. Г. 2004. К вопросу о распространении традиций степного погребального обряда в предгорьях Северо-Западного Кавказа в эпоху средней бронзы // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии 3, 214–223.

Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани І. Москва, 318–359.

Демирова Н.И. 2018. Новые документы о раскопках подполковника Б.Ф. Гринфельда возле крепости Анапа (1837 г.): из архива барона Г.В. Розена в собрании ОПИ

- ГИМ // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России» (Тез. докладов и сообщений международной научной конференции). Севастополь, 14–17.
- Дмитриев А.В. 1976. Новые материалы VIII–V вв. до н. э. из района Новороссийска // Археология Северного Кавказа (Крупновские чтения V). Москва, 19–21.
- Дмитриев А. В. 1987. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 12836, 12836а.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А. 1999. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах 5. Армавир–Москва, 17–52.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2005. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. Научно-популярный сборник, посвященный пятидесятилетию начала исследований Н.А. Онайко на Раевском городище. Москва—Новороссийск, 18—22.
- Завойкин А. А. 2002. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ 5, 95–106.
- Иванчик А.И. 2010. Эпиграфические памятники // Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани І. Москва, 360–371.
- Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. III в. н. э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 224–252.
- Канторович А. Р., Шишлов А. В. 2014. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в развитии сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Вестник ЮНЦ 14 (10), 85–95.
- Кругликова И. Т. 1970. Монеты из раскопок Горгиппии 1960–1966 гг. // НЭ 8, 27–47.
- Кругликова И.Т. 1980. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия I. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 5–17.
- Крушкол Ю.С. 1963. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями МОПИ им. Н.К. Крупской // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. СХV. Всеобщая история 4. Москва, 47–109.
- Крушкол Ю. С. 1971. Древняя Синдика. Москва.
- Крыжицкий С. Д. 1984. Строительная техника // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). Москва, 201–204.
- Крыжицкий С. Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев. Лесков А. М. 1965. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев.
- Малышев А. А. 2007а. Раевское городише // Институт археологии РАН. Москва. 74–75.
- Малышев А. А. (ред.) 2007б. Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя (Некрополи Черноморья 1). Москва.
- Малышев A. A. (ред.) 2009. ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Москва.
- Малышев А. А. (ред.) 2010а. Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет (Некрополи Черноморья III). Москва.
- Малышев А. А. 2010б. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // SYMBOLA. Античный мир Северного Причерноморья. Новые открытия 1. Москва-Киев, 175–178.
- Малышев А. А. 2016. Восточная периферия Горгиппийской хоры // Н. А. Макаров (ред.), Археологическое пространство России. Объекты археологического наследия, документированные в 2008–2012 гг. Москва, 98–99.
- Малышев А.А., Равич И.Г. 2001. О находках образцов звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ: историко-археологические очерки. Москва, 104–111.
- Малышев А.А., Равич И.Г. 2001. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях г. Новороссийск // Материалы и исследования по археологии России 3, 102–111.
- Малышев А. А., Дмитриев А. В., Медникова М. Б., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Равич И. Г. 2004. Широкая балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ 7, 272–301.

- Малышев А. А., Новичихин А. М., Жеребятьев Д. И., Королева С. В., Моор В. В. 2018. Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи. Москва.
- Малышев А.А., Горланов С.С., Дрыга Д.О., Мочалов А.В. 2022. Могильник аборигенного населения Родники: топография и хронология // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 160–161.
- Малышев А. А., Новичихин А. М. 2022. Могильник ОПХ «Анапа» некрополь населения архаической Синдики // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 162–64.
- Мокрушин В. П., Соков П. В. 2022. Протомеотская булавка с территории грунтового могильника из с. Южная Озереевка // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 168–171.
- Мунчаев Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. Москва.
- Новичихин А. М. 1990. Биметаллический кинжал из хут. Бужор Анапского района // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Москва, 61–73.
- Новичихин А. М. 1995. Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах 1, 63–67.
- Новичихин А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Новичихин А. М. 2013. Случайные находки эпохи бронзы и раннего железа из окрестностей станиц Натухаевской и Раевской // Исторические записки. Исследования и материалы 8, 51–58.
- Новичихин А. М. 2017. Греческая колонизация Синдики // МАИАСК 9, 67–96.
- Новичихин А.М. 2019. Новый могильник скифского времени в Синдике // Из истории культуры народов Северного Кавказа (Ставропольский ежегодник 11), 108–120.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград.
- Онайко Н. А. 1959. Раскопки Раевского городища в 1955-1956 гг. // КСИИМК 77, 51-61.
- Онайко Н. А. 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА 2, 155–168.
- Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е. 2014. Раскопки кургана у хутора Бужор близ Анапы // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Сб. научных трудов к 100-летию со дня рождения А.И. Салова. Краснодар—Анапа, 28—38.
- Салов А.И. 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА 159, 98–102
- Салов А.И. 2000. Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978—1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа, 17—25.
- Салов А. И., Смирнова Т. М. 1972. Новые находки в Анапе // КСИА 130, 53-57.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Смекалова Т. Н. 2020. Исследования серебряных античных монет методом рентгенофлуоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея) // Сибирские исторические исследования 2, 148—169.
- Сизов В.И. 1989. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии (Материалы по археологии Кавказа II). Москва.
- Соколова О.Ю. 2004. Новая надпись из Нимфея [предварительное сообщение] // ДБ 4, 368–373.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. 2002. Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus 8, 99 121.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. 2009. Изменения природной среды с эпохи энеолита по средневековье на полуострове Абрау (по данным палинологического анализа) // А. А. Малышев (ред.), ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Москва, 19–50.
- Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях Южной России (XVIII середина XIX в.). Санкт-Петербург.

- Тункина И.В. 2010. История изучения // Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани І. Москва, 20–128.
- Фелицын Е. Д. 1882. Археологическая карта Кубанской области. Москва.
- Фролова Н. А. 1997. Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК 4/1, 143–183.
- Хотко С. X. 2015. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV-XIX вв. Майкоп.
- Шилов В. П. 1950. О расселении меотских племен // CA XIV, 102-123.
- Шишлов А.В., Федоренко Н.В. 2006. Погребальный обряд племен Северо-Западного Кавказа в конце VII–V вв. до н.э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал 2, 63–73.
- Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.И., Кононенко А.П. 2007. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Исследования и материалы 5, 4–19.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2018. Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской близ Новороссийска // Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье (Анфимовские чтения VIII). Краснодар, 339–347.
- Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. Москва.
- Lawrence A. W. 1957. Greek Architecture. London.
- Sudarev N. I., Garbuzov G. P., Ivanov A. V., Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Voronin K. V. 2021. The Asian Bosporus before and during the Greek Colonisation // J. Fornasier, A. V. Bujskich (Hrsg.), An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn, 43–72.